

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО

Статья ставит проблему экспликации экзистенциально-онтологических оснований политического бытия. Осмысление бытийной укорененности политического в экзистенции позволит выделить смысл и значимость политического для конкретного человека, что важно не только в теоретическом, но и в практическом отношении. Ключом к обнаружению экзистенциального смысла политического бытия становится онтологическое различие политического и политики, анализ ситуации политического как ситуации человека, политики как специфического бытия-в-признании.

Ключевые слова: политическое бытие, экзистенция, ситуация политического, признание, человек.

Политика чаще всего отождествляется с идеологией, функционированием институтов государственной власти, партийной борьбой. Общество постмодерна демонстрирует кризис традиционных политических институтов. Государственная власть заметно меняется, а часто сдает позиции и уступает могущество влияния другим социальным институтам (например, транснациональным корпорациям, медиареальности и пр.). Перспективы разрешения кризиса политической власти могут быть связаны с осмыслением вопроса о том, как власть укоренена в социальном существовании конкретного человека, какой смысл и какое значение политические институты имеют для повседневной жизни человека. Полагаю, что основанием политического сущего выступает не просто существование объективированных структур управления (институтов, начиная с моральных норм, заканчивая судебной системой, парламентом и т. д.). Фундаментальные основы политического порядка задаются и поддерживаются особым типом экзистирования человека, который можно было бы назвать экзистенциальным измерением политического бытия. Это значит, что ключ к философской рефлексии политического сущего кроется в исследовании, ориентированном на неинституциональный подход в осмыслении оснований власти.

Тенденция неинституционального рассмотрения власти в философии постмодерна захватывает и традиционный сюжет о власти как политическом институте, что наиболее ярко выражает себя в известном тезисе «конца политики». Вслед за Ницше и Хайдеггером, Арендт, Батай, Бланшо, Делез, Деррида, Фуко, Нанси, Бадью, Рансьер, критикуя политические режимы XX века, усматривают в них институциональный концепт власти. Сегодня сфера политической жизни человека заметно расширяется и затрагивает такие регионы повседневности, которые ранее считались неполитическими. Политическое теперь видят в отношениях друг – враг, врач – пациент, учитель – ученик, в семье, пенитенциарных институтах, безмолвии большинства и пр. Идея «смерти политического» – стимул для поиска свежего и адекватного времени взгляда

---

* © Соловьева С.В., 2012

Соловьева Светлана Владимировна (metaphisica@rambler.ru), кафедра философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

на власть и политику. Шанталь Муфф, отталкиваясь от хайдеггеровского различия онтического и онтологического, говорит о том, что политика как совокупность практик и институтов имеет дело с онтическим, тогда как политическое как пространство власти и антагонизмов относится к «онтологическому». Кризис политического мышления, который чаще расшифровывается как потеря былого превосходства либеральной идеологии, связан, по мнению Ш. Муфф, с нынешней неспособностью к политическому мышлению, с непониманием «того, что представляет собой “политическое” в его онтологическом измерении» [1, с. 88–89]. Эта мысль представляется верной и призывающей обратить внимание на проблему онтологических оснований политического, ведь от ее решения зависит в том числе и будущее демократии.

Осмысление бытийной ускоренности политического в экзистенции позволит выделить смысловую плотность и значимость политического для конкретного человека. Основной задачей данной статьи является постановка проблемы экзистенциально-онтологических оснований политики и возможностей выявления экзистенциального смысла политического. Когда-то эту проблему поставил Аристотель, сформулировав вопрос о «кто» политики и назвав человека существом политическим. Если перевести вопрос на язык современных политических практик, то его можно сформулировать так: есть ли у политики «человеческое лицо», и если есть (о чем активно заявляют политики в предвыборной риторике), то каково это «лицо»? Какова точка соединения политического и человеческого бытия?

Решение проблемы экзистенциально-онтологического измерения политического ориентируется на тот концепт власти, который раскрывает событийную природу власти и ее экзистенциальную укорененность. В философии предпринимались попытки описания области политического, исходя из событийного понимания бытия. Тема принадлежности события и власти стоит в центре внимания А. Бадью, чья концепция метаполитики строится на понимании власти не как силового отношения, но как события, мыслительного процесса и разрыва в нем. Основным референтом политического события он называет «неприемлемое», из которого исходят, производя вмешательство. Политика – это не столько отношение, сколько событие, реальность, это некое «имеется», а не «как», т. е. тип связи. В центре внимания философа находится «политическое», не являющееся концептом опыта или субъективной нормой правления. Бадью определяет политическое как фикцию, которую «политика пробивает событием». «Событийное «имеется», взятое наобум, как раз служит местом, куда вписывается сущность политики. <...> Но событие не принадлежит к порядку реальности. Мысль здесь ориентируется на отличие события от его текущей имитации, которую можно назвать фактом. Событие является продуктом некой интерпретации» [2, с. 53, 61]. Событийный подход к пониманию власти ставит новые задачи для концептуализации политического, что ведет к отрицанию концепта политики в терминах подавления, господства или манипулирования. Задача современного исследования политического состоит в том, чтобы перестать понимать политику в горизонте институтов и предписаний. Политика – это режим разрыва, а не собирания, это активная интерпретирующая мысль, а не производственное предприятие власти. Избавить политику от тирании истории, привести политику к событию – вот ключевые тезисы и кредо Бадью.

А. Селигмен верно утверждает, что власть, господство и насилие могут лишь на короткое время решить проблему политического порядка, но не способны обеспечить основу для долговременной совместности людей. Многие философы и социологи обращают внимание на «договорные» элементы общественных установлений, альтернативных институтам политического подавления. Выдвижение на первый план научного анализа и практики жизни современности проблем консенсуса, идеологии,

экспертиз, технократии, управления конфликтами продиктовано сложными сетями политической власти, переплетающими человека с семьей, гражданским обществом, религиозными, профессиональными и прочими организациями. Современное общество пытается построить особую идеологию, которая позволяла бы существовать человеку не во враждебном мире, а в мире открытости и понимания. А это рождает новый импульс для осмысления политических проблем, направленных не «против» человека, но «за» него. Покорив враждебность природы, мы все еще в поиске путей усмирения враждебной социальности. Конечно, попытка обнаружить новое политическое сообщество на базе взаимного выполнения обещаний с учетом уникальной ценности человека может показаться иллюзией, но с этим нельзя согласиться [3]. Выбранная точка опоры представляется адекватной существующему положению дел. Обращение к регионам сопринадлежности политической власти и бытия человека инспирирует поиск корневых основ социального порядка. Это общая для всех потребность утвердить социальные институты на чем-то, что имеет человеческое лицо, а не является машиной насилия и опустошения, тесно вплетена в реальную жизнь человека.

Если исходить из тезиса, что власть может быть и на стороне человека [4], а не только против него, то возникают новые горизонты для разработки такого концепта политики, который позволил бы представить политическое через «экзистенциалы», необходимые составляющие жизни социума и человека [1, с. 96]. В XX веке экзистенциальный смысл политического был впервые эксплицирован К. Шмиттом, который отделил реальность политического, с одной стороны, от государства, обладающего «монополией на политическое», а с другой стороны, от политики. Он писал: «Политическое должно заключаться в собственных последних различениях, к которым может быть сведено все в специфическом смысле политическое действие. <...> Специфически политическое различие, к которому можно свести политические действия и мотивы, — это различие друга и врага. <...> Смысл различия друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации» [5].

Применение онтологического различия Хайдеггера к экспликации экзистенциального измерения политического бытия продуктивно и позволяет не столько выявить метафизические основания политики (что делалось ранее), сколько осмыслить политическую жизнь общества в категориях, не враждебных субъекту, не деформирующих его социальное лицо. Разнообразие и множественность политической реальности, обнаруженная в XX веке многими философами, ориентирует мысль на поиск такого типа экзистирования, который можно было бы назвать политическим.

Базовым концептом в анализе экзистенциально-онтологических оснований политического выступает понятие ситуации. Понятие пограничной ситуации — изобретение Ясперса, оно прочно входит в интеллектуальный ресурс экзистенциализма. И.А. Михайлов толкует понятие ситуации как категорию, обозначающую «то, как телесное бытие, называемое человек, «бывает» в мире». Человеческое бытие «исключительно *ситуативно*», когда «неартикулированное внутреннее беспокойство превращается в отчетливое *сознание*, «ситуация» человека в мире меняется» [6, с. 174]. По Ясперсу, пограничная ситуация связана с онтологическим опытом человека, человек в ней всегда оказывается, ее претерпевая. Хайдеггер усиливает позицию Ясперса, говоря о ней как о таком типе существования, который знаменует переход в подлинность [7].

Экспликация экзистенциального смысла (и политического в том числе) предполагает выделение и описание феноменов экзистенции, связанных с подлинностью существования. Исследование «ситуации политического» как «ситуации человека» необходимо реализуется через описание политического в перспективе онтологии присут-

ствия (или бытия, которое знает свое бытие). Экзистенциалы выражают вопрошающий характер бытия, ибо только для человека его бытие преподнесено как задача. «И поскольку здесь-бытие — чем существеннее его возможность — может само себе “выбрать” это бытийствующее в его бытии, его завоевать, оно может и потерять себя, то есть не завоевать его или завоевать лишь “на вид”» [8, с. 74]. Конечно, для Хайдеггера (впрочем, как и для многих исследователей) мир политики — это мир неподлинного существования, это способ уклонения от истины бытия. Вместе с тем в ситуации политического можно обнаружить такие мотивы и основания, которые открывали бы сущее человека со стороны его подлинности. Ведь политическое действие в любой ситуации требует от субъекта ответственного решения, если угодно, решимости к действию, а значит, и решимости «быть». Ситуация имеет два важных определения: она, с одной стороны, нам дана, мы детерминированы обстоятельствами, а с другой стороны ситуация требует нашего участия, понимания и преобразования. Как пишет Ясперс, «само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению. Увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взор — уже борьбу воли за бытие» [9]. Человек в ситуации — это всегда действующий и деятельный субъект, а значит, субъект силы, власти и потенциально субъект политический. Субъект событийного свершения как человек, конституирующий ситуацию политического, — это человек, возвращающийся к прошлому (А. Магун), верный и упорствующий (А. Бадью), решительный (М. Хайдеггер), признанный (Гегель, Кожев, Хабермас).

Специфической особенностью ситуации политического выступает то, что человек здесь не автономен, его существование связано с Другим. Но связь с Другим может быть разной, подлинно политическая связь с Другим складывается как отношение взаимного признания. Ключевым экзистенциалом, описывающим онтологический смысл ситуации политического, является признание. Осмысление концепта «признание» в философии имеет заметную историю, начиная с яркой феноменологии отношений раба и господина Гегеля. В основе диалектической борьбы и единства господина и раба, пишет он, лежит «движение признания» [10, с. 99]. Господин властвует, получая это право в рискованной борьбе. Жажда признания становится феноменологическим посылом разделения субъектов власти.

В XX веке тема признания вызвала огромный резонанс и поддержку в исследовательском сообществе (Вебер, Кожев, Альтюссер, Рикер, Хабермас, Хоннета и др.). Акт признания, а по сути, действие власти есть акт, конституирующий субъективность. «Лишь на основе взаимного признания образуется то самосознание, которое должно проявиться в процессе моего отражения в сознании другого субъекта. <...> В этом случае дух оказывается не фундаментом, лежащим в основе субъективности самости в самосознании, а представляет собой среду, в которой Я вступает в коммуникацию с другим Я, и благодаря которой — как некоему абсолютному посреднику — оба они только и могут взаимно образовывать друг друга в качестве субъектов» [11, с. 12]. Взаимное признание в качестве основания конституирования ситуации политического образует особый тип бытия, который А. Секацкий определил как «бытие-в-признанности» [12, с. 43–53]. Ситуация политического выступает одной из форм бытия-в-признанности.

Если рассматривать ситуацию политического как ситуацию человека, то основным мотивом действия будет жажда признания (или жажда власти, или воля к власти в терминах Ницше). Несмотря на негативное отношение большинства к власти и тем более к жажде власти, полагаю, что воля к жизни, воля к власти выступает одним из основных мотивов деятельной причастности человека к бытию, активного участия в социальной жизни, плодотворного познания себя и мира. А. Кожев, описывая власть-

господство, пишет о том, что человек вводит в пространство действия и власти антропогенное желание, что означает «желать нечто отсутствующее, ирреальное, пустое в заполненном (материальной) реальностью пространстве-времени» [13, с. 295]. В конечном счете антропогенное желание «есть стремление быть признанным (*anerkannt*)». Человек есть действие, и, удовлетворяя свое желание желания, он существует, и «существует в той мере, в какой он *признан*: признание одного человека другим составляет само его бытие (как говорит Гегель: «*Der Mensch ist Anerkennen*»)» [13, с. 299]. Для человеческого бытия всегда требуется Другой, через которого человек существует в отношении признания. Автономного человеческого бытия не существует, ты человек в той степени, в какой ты признан Другим. Этот тип желания и организует ситуации власти, ситуацию политического, где обязательной характеристикой выступает деятельное, активное отношение к сущему, во-первых, и особое отношение к Другому, выраженное в актах признания, во-вторых. Как полагали Гегель и Кожев, истинное рождение человека начинается с риска собственной жизнью ради признания. Если человек желает желание другого человека и получает встречное желание желания, то возникает конфликт, и желание желания может реализоваться только в смертельной борьбе. Так, жажда признания вводит обоих в пространство риска. Отношение господства асимметрично, а значит, признание, по Гегелю, получает только господин. Кожев, отмечая метафизичность идеализма, писал о том, что только гражданин как субъект политической власти способен получить и одновременно дать признание. «Если человек рождается только в антитезе Господина и Раба, то полностью он осуществляется и актуализируется в синтезе Гражданина, который является Господином (насколько он признан другими) и Рабом (насколько он признает их сам)» [13, с. 303].

Философская рефлексия признания позволяет произвести исследование политической ситуации как специфического бытия в признанности. Магистральным направлением исследования может стать выделение темпорального смысла политической ситуации: модус прошлого (неизменность содеянного в прощении), модус будущего (непредвиденность деяния в риске и обещании), модус настоящего (признание в форме самопризнания и в форме взаимного признания). Конституирующим основанием ситуации политического выступает особый тип политического экзистирования человека. В классических политических концепциях и теориях в понятие субъекта политики преимущественно включаются социальные общности людей (нации, классы, корпорации, конфессии и пр.), социальные группы (политические элиты, бюрократия и др.), общественные организации (партии, движения), а также граждане и личности. Противоположностью субъекта политики (т. е. активного элемента в структуре политики) выступает объект политики (то, на что направлена деятельность субъекта). Разрушение субъект-объектного подхода к анализу политики необходимо привести к изменению понимания «кто» политики, источника деятельного начала в политическом бытии. Таким понятием будет выступать понятие сообщества. Онтологически укорененным субъектом политики выступает сообщество и субъект-субъектное отношение внутри него.

Плодотворность применения экзистенциально-герменевтической методологии к анализу политики/политического кроется в том, что подобные проекты в научном и философском поле являются редкостью, т. к. современная социальная теория с ее критикой власти и политического господства ориентирована на тезисы: власть и политика против человека, власть есть машина господства и подавления субъектов, политика — это технология идеологического производства лояльных субъектов массового общества. В рамках статьи представлена идея того, что пространство политического — это не только система институтов власти, идеологических манипуляций, но

также пространство значимого для человека бытия, позволяющее реализовать ему потребность в признании в бытии-с-другими. Необходимо осмыслить то пространство власти, которое не было бы привязано к клише «политический человек – главный инструмент власти», перейдя к позиции «политика – это пространство значимого для человека бытия, политическое – это пространство свершения».

Библиографический список

1. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. Вып. 1 / отв. ред. И.К. Пантин. М.: ИФРАН, 2008.
2. Бадью А. Можно ли мыслить политику? Краткий курс метаполитик / пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубович. М.: Логос, 2005. 240 с.
3. Селигмен А. Проблема доверия / пер. с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
4. Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. 248 с.
5. Шмитт К. Понятие политического. URL: http://society.polbu.ru/political_science/ch01_all.html (дата обращения: 14.08.2010).
6. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер. М.: Прогресс-Традиция: Дом интеллектуальной книги, 1999. 284 с.
7. Пограничная ситуация // Философский энциклопедический словарь. URL: <http://terme.ru/dictionary/180/word>. (дата обращения: 12.10.2009).
8. Бимель В. Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о себе и о своей жизни / пер. с нем. А. Ведерникова. Челябинск: Урал LTD, 1998. 286 с.
9. Ясперс К. Духовная ситуация времени. URL: <http://www.lib.ru/FILOSOF/YASPER/time.txt> (дата обращения: 10.03.2012).
10. Гегель Г. Феноменология духа // Гегель Г. Сочинения: в 14 т. Т. 4. М.; Л.: Соцэкгиз, 1959. 487 с.
11. Хабермас Ю. Труд и интеракция. Заметки о гегелевской «философии духа» йенского периода // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. М.: Праксис, 2007.
12. Секацкий А.К. Бытие в признанности: истории современной политики // Мысль: социальная аналитика кризиса: сб. ст. / отв. ред. К.С. Пигров. СПб., 2004. С. 43–53. Или URL: <http://www.litpromzona.narod.ru/sekackii/bytie.html> (дата обращения: 10.03.2012).
13. Кожев А. Очерки феноменологии права // Кожев А. Атеизм и другие работы / пер. с фр. А.М. Руткевича и др. М.: Праксис, 2006.

S.V. Solovyova*

THE EXISTENTIAL DIMENSION OF POLITICAL

The article poses the problem of explication of existential-ontological foundations of political life. Understanding of the existential rootedness of political will highlight the meaning and significance of it for a particular person. That is important not only in theory but also in a practical way. The key to finding the political life's existential meaning is in the ontological difference between the political and policy, in the analysis of political situation as a situation of a person, the policy as a specific being-appreciated-existence.

Key words: political life, existence, political situation, appreciation, person.

---

* *Solovyova Svetlana Vladimirovna* (metaphisica@rambler.ru), the Dept. of Philosophy of Humanitarian Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.